

2 Cm 132

me: 57245

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ

БИБЛИОТЕКА
УЧ. АБТ. И. М. У.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цена на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей)

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14th and 28th. Single copies at 15 cents.
Rev. A. Hotovitzky, Publisher. 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 16. Vol. XV. — NEW YORK, AUGUST 28, 1911, 15 августа 1911 г. No. 16.

The American Book of Common Prayer

From the Editor.—In view of many requests of our American readers, we reprint below the Report, to which refers in his Philadelphian address His Grace, The Most Reverend Archbishop Platon.

(Continued.)

After we have examined the Anglican Ordinal, in connection with its historical origin, and the chief points of its doctrine of the Holy Orders, in which there is some foundation to perceive the protestant influences of the formulators, we come to the following conclusion: in some instances

this Ordinal clearly shows a non orthodox point of view in its foundation, overlooking a very important side of a priest's work, and in other instances it does not express the orthodox idea of the hierarchy clearly enough, using — possibly intentionally — formulas and expressions which are too general and indefinite. In themselves the peculiarities of the Ordinal are of such nature, that it is not in any direct expression of unorthodox doctrines that we see their failings, but in their general tendencies, which are due to the circumstances of their origin. The general conciliatory tendencies

of the Anglican Church and its desire to retain within it the episcopal order influenced the formulators, even after the birth of new ideas, to be very cautious in their expressions and to close their words so that the old ideas would not be excluded categorically and unreservedly. Consequently though adopted to express the new ideas, the Ordinal proved not to be connected with them vitally enough for their being no possibility of interpreting it in any other way, but the way of the new ideas. Taken by itself, separately from the tendencies and ideas of its formulators, it may be taken to hold the orthodox point of view also, without contradicting itself too obviously.

If the ideas concerning the sacrifice and the hierarchy, which guided the Ordinal, should be given up and the orthodox doctrine should be adopted, the latter could help the reinstatement of all that was omitted, as, for instance, the idea of the eucharistical power of the priest, which, if such an order of things came to pass, could be taken as part of the power to "perform sacraments", already stated by it; it also could help the establishment of an orthodox interpretation of all that it expresses ambiguously, vaguely, or not forcibly enough, as, for instance, the idea of the significance of the threefold church hierarchy, or the idea of the sacramental character of the grace the Ordinal confers.

4) Besides the protestant attitude towards the church ministry, the Anglican Ordinal of the Holy Orders reflects protestant views in some other points. Thus, when at his trial the ordained deacon is asked whether he is sure that in accepting this office he is interiorly moved by the Holy Ghost, the origin of such a question can be traced to the protestant religious subjectivism. When the future priest or the future bishop are asked whether they are convinced that the Holy Scripture contain all the doctrine necessary for eternal salvation and

whether they intend not to preach anything as necessary for eternal salvation unless they are convinced that it can be shown and proven by the Scriptures, this question points to the protestant principle of the exclusive authority of the Scriptures, as the only source of religious doctrine, which is accepted by the VIth Article of the Anglican creed. The litany and the hymns to the Holy Ghost point to the western doctrine of the descent of the Holy Ghost from the Father and from the Son. It goes without saying that peculiarities of this kind can find no room in an orthodox Ordinal.

5) The ordaining of Anglican priests has this in common with the Roman rite, that not only the bishop but the priests also lay their hands on the one ordained. This rite most probably has in view the words of the Apostle concerning the laying on of hands of the priesthood and it is referred to by a Gallican document of the beginning of the VIth Century "*Statuta Ecclesiae Antiquae*", from where it was transferred into the Roman Ordinal, which practices it to this day in the first laying on of hands, containing accordingly to Roman theologians, the essential part of the sacrament. The other laying on of hands comes at the end of the Ordinal, is performed by the bishop alone and is a later addition. Some documents of Eastern origin also refer to this rite, but it never was in general use. The ancient origin of this rite and the fact that it was practiced long before the separation of the churches may allow us not to raise any essential objections.

6) Another peculiarity of the Anglican Ordinal, which attracts our attention, though it does not touch the dogmatical significance of church ministry in any direct way, is that it contains no rite whatever for the admission of the inferior grades of church servants, which the Anglican church abolished from the very beginning with the rest of the protestants.

III. The Order of the Sacrament of Baptism.

The Orthodox Church of Russia accepts the genuineness of the Anglican Baptism, and this goes to show that the Anglican form of the Sacrament, in its details, as well as in its essence, as it is found in the Book of Common Prayer, is also accepted.

As to details to which the Russian Church does not give any importance in the question of the effectiveness of the Sacrament, they are partly Roman and partly protestant in origin. Whilst the Roman Catholic ritual was adopted to protestant views, many a peculiarity came into existence, owing either to tendencies which clearly are not in harmony with orthodox views, or to arbitrary and unjustifiable dealings with ancient practices. The peculiarities of the order of Baptism, which are protestant in their character are as follows:

1) The disuse of the exhortation, which the American and British Anglican hold in common with the members of reformed churches. This disuse can be explained on the grounds of the dogmatical view, held by the reformed churches and which claims that the children of Christian parents are in communion with God by the mere force of their birth, — so that the order of Baptism only proclaims that, which was ordained beforehand by grace.

2) The permission, contained in the American edition only, to dispense with the rite of tracing the sign of the cross on the forehead of the infant, if this omission were especially announced. A note to this paragraph states that the "church knows no worthy cause of scruple concerning the same", which to some extent vindicates the ancient custom. Still it would be most desirable that no such premission was given and no note concerning it existed in the Book of Common Prayer at all.

3) The omission of anointing with consecrated oil. In the Roman church it always is performed by the priest immediately after the Baptism, but it has no sacramental importance. But from the Russian Orthodox point of view the omission is very grave, because it is exactly this rite, accompanied by certain words, to which the Orthodox Church ascribes the significance of the Sacrament of Extreme Unction.

4) The American Book of Common Prayer does not forbid one or both parents of the baptized to be his sponsors. This is hardly in keeping with the Eastern orthodox point of view, it goes against a very ancient custom, and there can hardly be found any serious reason for its preservation.

As to the peculiarities of Roman Origin, we have especially noticed the following:

5) The pouring of water on the infant instead of the immersion, as if they were equivalent in all cases without exception. In the original editions of the Book of Common Prayer, the order of the Public Baptism of Infants mentioned the immersion alone as a general rule, allowing the pouring of water only if the infant was weak. But people got so accustomed to the Roman rite that this paragraph was changed and the pouring of water became generally sanctioned. At present, this is almost the only way in use both in England and in America. Yet there is no reason on the grounds of which the Western Church could be allowed such a disuse of ancient practise.

IV. The Order of Confirmation.

The Anglican rite of Confirmation, performed by a bishop over children who have reached a responsible age, corresponds to the Roman Confirmation. Yet it omits both the anointing and the formula: "I sign thee with the sign of the cross and confirm thee by the oil of salvation (*chrismate*) in the name of the Father, the Son and the

Holy Ghost". In the Anglican rite, the bishop lays his hands on the confirmed praying that the Holy Ghost should strengthen them and increase his gifts in them, that the heavenly grace should preserve them, that they should grow in the Holy Ghost and that the Holy Ghost should for ever abide in them. As the Book of the Apostolic Acts informs us, in their time the laying of hands on the baptized was an outward sign of the bringing down of the Holy Ghost. Yet the use of the oil, either instead of the laying on of hands as it is done in the East or along of it as it is done in the West, is such an ancient practice, that it is quite reasonable to suppose its origin also in the apostolic tradition. And so, the omission of the anointing as well as of the Roman formula is in harmony with the dogmatical theory of the Anglicans, who deny to the confirmation the importance of an actual Sacrament.

An orthodox point of view would demand 1) the introduction of the anointing as a separate Sacrament, 2) its observation after the Baptism rightfully performed by priests, which would do away with the inconvenient Roman custom demanding a bishop for its performance, and as it is impossible for a bishop to perform a confirmation after the Baptism in every individual case, necessitating its performance to be delayed till a later date. And it goes without saying that, were the practice of anointing the infants to be established, it must be accompanied by the practice of making them take part in the Communion. The Anglican order of Confirmation, as a conscious repetition on the part of the children of promise made for them by the sponsors at the time of their Baptism, can be preserved and connected with the first Confession before the Holy Communion. But in this case it ought to omit some of its exterior characteristics as superfluous.

(To be concluded.)

По Штатамъ и Аляскѣ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній с утника
Его Высокопреосвященства.

«Дѣти природы».

Какъ и въ Джуно, въ Ситкѣ объ эту пору индіанъ почти не было, остались старики, женщины и дѣти: остальные ушли на рыбные промысла въ окрестности. Только въ воскресенье къ Архіерейской службѣ и къ празднику 4-го Юля пріѣхали они на своихъ баржахъ, и поспѣшили отрядить депутацію къ Владыкѣ Архіепископу, привѣтствовать Его Высокопреосвященство съ благополучнымъ прибытіемъ и доложить о своихъ дѣлахъ, а главнымъ образомъ, конечно, изложить предъ Архипастыремъ обычнымъ высокимъ стилемъ безконечныя и безчисленныя заслуги свои въ области миссіонерской. Безъ этого у нихъ ни одинъ разговоръ, особенно съ новымъ лицомъ, не обойдется. И хотя почти каждый изъ индіанъ убѣжденъ, что и такъ о немъ весь міръ наслышанъ, однако не считаетъ лишнимъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ наново разсказывать свою родословную, родословную протяженно-сложенную, и подчеркнуть какъ особую свою добродѣтель то, что онъ и доселѣ православный. Слишкомъ поверхностное соприкосновеніе съ ними въ эту поѣздку не позволило мнѣ сдѣлать какіе либо личные окончательные выводы объ этой слабости индіанъ, но отзывы знающихъ ихъ по этой части едиподушны, и не въ особенно благопріятномъ свѣтѣ рисуютъ обликъ индіанна-колоша. Думается мнѣ, что отъ нихъ не далеко ушли нѣкоторые изъ такъ извѣстныхъ всѣмъ намъ «славныхъ патріотовъ» попросту говоря — «кулаковъ» Американской Руси, и когда я смотрѣлъ на эти делегаціи колошъ въ черныхъ парадныхъ сюртукахъ, съ манишками, галетухами, бриллиантовыми запонками, пришедшія къ Владыкѣ, мнѣ казалось, будто я и

не выѣзжалъ изъ родныхъ палестинъ... Только вмѣсто маленькихъ значковъ, тутъ соразмѣрно заслугамъ къ костюмамъ прикрѣплены были цѣлыя звѣзды, луны и солнца, и если собесѣдникъ самъ не догадывался спросить что это за отличіе, то колонія немедленно сами же исправляли эту непростительную забывчивость и невнимательность.

Великіе это мастера улыбаться, — точно японцы, съ которыми у нихъ есть нѣчто сродное и въ складѣ физиономіи, и у которыхъ подъ маской кажущагося добродушія часто кроется тоже глубоко засѣвшее чувство злонамѣтности и мстительности. Красной полосой проходятъ эти черты чрезъ всю исторію этой части Аляски, въ обидѣи покрытой кровью какъ индіанъ, такъ и покорявшихъ ихъ бѣлыхъ людей... Цѣлыми десятками лѣтъ, по временамъ, точно усыпленные молчали краснокожіе, и вдругъ прорывались какъ лава, и начиналась рѣзня. Такъ было не только въ Барановскія времена, но и гораздо позднѣе, въ 1852, и еще позднѣе — въ 1877 году... Казалось бы, къ тому времени уже и христіанскіе миссіонеры могли достаточно привить сознанию туземцевъ отвращеніе къ кровожадности, и родовыя преданія потеряли свою остроту и болѣзненность, а между тѣмъ — пустой случай и словно порохъ воспламенились они въ 1877 году и едва не надѣлали большаго пожара! Въ этомъ году индіане подогрѣтые мыслью о безнаказанности, въ виду отозванія эскадрона, до того времени постоянно въ Ситкѣ находившагося, разгулялись во всю. Поводомъ къ буйству по наиболѣе правдоподобной версіи была крушеніе одной шкуны, на которой подъ командой бѣлаго капитана работало 7 человекъ индіанъ племени «*Каксатти*», причемъ шесть изъ нихъ утонуло. Вождь этого племени немедленно потребовалъ отъ полковника Болла, единственнаго тогда представителя правительства въ Ситкѣ, по 1000 оубялъ за cadaго погибшаго. Полковникъ увидалъ, что индіецъ не шутитъ и чтобы затянуть дѣло, обѣщалъ написать компаніи въ С. Франциско и въ Ваппинг-

тонъ, откуда, конечно, послѣ немалыхъ проволочекъ пришелъ отвѣтъ отрицательный, ибо Аляска тогда еще въ представленіи американской публики была какой-то льдиной между Америкой и Сибирью, — какое кому до нея дѣло!.. Убѣдившись, что оубялъ не дадутъ, тотъ же вождь потребовалъ въ искупленіе шести утонувшихъ индіанъ его племени шесть бѣлыхъ людей. Разумѣется, послѣдовалъ новый отказъ, и населеніе наскоро стало готовиться къ встрѣчѣ атаки со стороны краснокожихъ; Русскіе собрались и укрѣпились въ миссіиномъ домѣ у о. Николая Митропольскаго, а американцы въ таможенѣ. Гроза болѣе и болѣе надвигалась. Индіане уже справляли свое боевое шествіе, на горячихъ источникахъ они уже убили одного бѣлаго, и нѣтъ сомнѣнія, что все закончилось бы такой рѣзней, предъ которой померкли бы всѣ ранѣ бывшія возстанія, но на счастье бѣлыхъ нашелся въ средѣ краснокожихъ начальникъ другаго племени, враждебнаго Катлину, и онъ, собравъ свою дружину, вступилъ въ бой съ бунтовщиками. Наступленіе этимъ было задержано, а тѣмъ временемъ подошелъ почтовый пароходикъ и чрезъ него дана была тревожная повѣстка на англійское таможенное судно... Рѣзня сразу утихла, и обезкураженный Катлингъ, убѣдившись, что противъ рожна не попрешь, даже своей племенной племь, бывший талисманомъ племени цѣлое столѣтіе, отдалъ въ новооснованный Ситкинскій музей. Американцы же, наученные горькимъ опытомъ, нанли пужнымъ съ того времени держать хотя небольшую горсточку своего воинства здѣсь для защиты бѣлыхъ людей отъ какихъ бы то ни было новыхъ злоухищреній туземцевъ...

Ситкинскій медвѣдь.

Но полнаго слиянія и полнаго мира между бѣлыми и красными и послѣ не было. Къ туземцамъ всегда прилагались ограничительныя мѣры; и юридически и въ бытовомъ отношеніи они всегда находились въ черномъ

тѣль... Самолюбивые и неглупые, они всегда это чувствовали и потому, даже въ обыденномъ обиходѣ — нѣтъ, нѣтъ, да и прорвется у нихъ горечь обиды. Конечно, будь православная церковь болѣе свободна здѣсь въ своихъ дѣйствіяхъ, она успѣла бы давно благотворно подѣйствовать на сознание индіанъ, и привила бы ихъ душѣ болѣе мирныя чувства и настроеніе, но съ вакханаліей въ области гражданской жизни, послѣ спуска русскаго, на Аляскѣ, флага, началась здѣсь самая безцеремонная душехватаческая пронаганда и купля человѣческихъ душъ. Пресвитеріане побили въ этомъ случаѣ рекордъ неразборчивостью въ средствахъ, прельщая «дѣтей природы» очень часто подарками, удобствами и пр. И Колоши, — не все къ счастью, но многіе, — пришли къ мысли, что они кому то нужны, и что вѣра это нѣчто, чѣмъ можно поторговать, — найти бы только купца потароватѣе. Явились перебѣжчики изъ одной церкви въ другую. И вотъ чуть «ндраву» колоша кто воспрепятствовалъ, онъ откланивается, пока въ другой церкви его тоже не начали остепенивать... Въ анналахъ православной миссіи хранится немало горькихъ примѣровъ такого рода.

Еще рельефнѣе сказывается по временамъ въ быту и жизни дикарей двоевѣріе: никакъ отъ нѣкоторыхъ старыхъ обрядовъ и отъ суевѣрій отстать не могутъ и очень къ своимъ дѣленіямъ по кланамъ привязаны. Только ко времени прибытія Владыки Архіепископа въ Ситку поутихли ихъ кладбищенскія претензіи: подавай имъ непременно такіе участки на кладбищѣ, какіе кому вздумалось, — дашь одному племени, другое въ обидѣ... Не дашь — мира нѣтъ тоже. А то вознамѣрились напр., индіане на могилѣ своего тайона вмѣсто памятника христіанскаго — непременно медвѣдя поставить. Поставимъ, да и только. Сколько не разубѣждали, что нельзя, — понять отказываются, бунтуютъ, злятся, уходомъ угрожаютъ. Жалобы на причтъ Епархіальному Начальству подали. Тѣмъ временемъ

мраморнаго медвѣдя съ золочеными глазами, зубами и когтями, въ нѣсколько сотъ долларовъ въ Штатахъ заказали и онъ уже въ Ситку плыть. Конечно, свѣще тоже разрѣшенія не послѣдовало. Тогда стали индіане планы дѣлать — тайкомъ на кладбищѣ медвѣдя утвердить, — но не такое мѣсто Ситка, чтобы такія дѣла тайкомъ успѣшно продѣлы-

Мраморный медвѣдь въ Ситкѣ на могилѣ колоша.

вать. И все таки не сдались. Похоронили тайона подлѣ его дома въ Ситкѣ и на могилѣ его медвѣдя поставили, и свѣткой проволоочной обнесли: священное-де мѣсто. Значитъ,

на своемъ настояли, и эмблемой племени могилу тайона украсили! И торжествуютъ... А что не на кладбищѣ—такъ это вина причта и Церкви! И теперь не разубѣдишь ихъ: когда еще обида уляжется...

Помню, выбрался я въ индіанскую часть города полюбопытствовать какъ они живутъ. Ближе къ плацу параду еще кое какъ идти можно было, но чѣмъ дальше по берегу, тѣмъ чаще затыкать носъ пришлось, а вскорѣ и вообще дышать нечѣмъ было. Тутъ и маленькія байдарки, и рыболовные снасти, и по веревкамъ вялится рыба, и дома грязные, и старухи группами на крылечкахъ и по землѣ соберутся и на гортанномъ нарѣчій лопочуть... На многихъ стѣнахъ разрисованы разныя объявленія о достоинствахъ проживающихъ тамъ индіанъ; кое гдѣ запрещалось даже идти по панели, но, наконецъ, добрель таки я до медвѣдя, котораго и снять, насколько позволила туманная погода. До конца улицы дойти я не могъ: дурнота одолѣла отъ запаха разлагающейся рыбы, надо было изумляться, какъ здѣсь могутъ постоянно жить люди... Быть можетъ зимой эта часть Ситки оздоровляется морозомъ, снѣгомъ, холодомъ, но сейчасъ нельзя было порадоваться за нашихъ вѣрниковъ, — а въ этой части живутъ почти исключительно именно наши православные колоши. Запахъ этотъ такъ въѣлся въ нихъ, что и нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ колошники побывали въ вашемъ домѣ, безъ труда угадаете, кто были ваши гости: запахъ съ ними путешествуетъ. Молодежь, конечно, поопрятнѣе.

Музей.

Иное впечатлѣніе получается, когда изъ Архіерейскаго дома направившись влѣво по берегу. Миновавъ епископальную церковь и епископскій домъ, вы идете уже по владѣніямъ закрѣпощеннымъ пресвитеріанской миссіей. Миссія не старая, и постройка ея болѣе современная. Просторное зданіе пресвитеріанской миссіи предвѣщаетъ цѣлый рядъ

иныхъ сооружений, воздвигнутыхъ ими, или взятыхъ ими подъ свою опеку. Такимъ свидѣмъ наша миссія не могла особенно радоваться, пбо въ то время, какъ епископальная церковь съ епископомъ Роу всегда друже-

Домъ пресвитеріанской Миссіи. Направо Владыка и о. А. Башеваровъ. Налѣво — С. І. Костромитиновъ и завѣдующій музеемъ.

ственно относилась къ нашей православной церкви и ея работникамъ, пресвитеріане безъ стѣсненія высмѣивали священниковъ и епископовъ православныхъ въ ихъ длинныхъ одеждахъ, пользовались во вредъ нашей церкви своими политическими огромными связями, писали доносы и чужь городили относительно будто бы желанія русскихъ аляскинцевъ передать Аляску обратно во владѣніе Русскаго Государя, и т. д. Православной Миссіи большого труда и нервовъ стоило отвоевать себѣ даже то право, которое въ Штатахъ нигдѣ никѣмъ не оспаривается: — въ торжественные дни выбрасывать на флагштокахъ русскій національный флагъ... Пресвитеріанъ онъ такъ раздражалъ, какъ красное знамя разъяренныхъ быковъ, и только послѣ долгой переписки и настойчивыхъ протестовъ русскіе добились таки своего. Больше всѣхъ работалъ въ руссофобскомъ направленіи нѣкто Шелдонъ Джаксонъ, этотъ злой гений Аляски! Пресвитеріанскій пасторъ, завзятый фанатикъ этотъ былъ избранъ Вашингтономъ въ опекуны этой страны! Много слезъ заставилъ онъ пролить православныхъ людей сво-

ей черствостью и нетерпимостью, и хотя мѣстный музей въ Ситкѣ и названъ по его имени, такъ какъ онъ былъ его учредителемъ, во этомъ никогда не снимутся великія вины его предъ православною церковью въ Аляскѣ!

Впрочемъ, въ этотъ разъ при проѣздѣ Владыки Архіепископа, никакихъ анти-православныхъ демонстрацій не было, и когда Его Высокопреосвященство выразилъ желаніе осмотрѣть въ ряду мѣстныхъ достопримѣчательностей и Ситкинскій музей, администрація послѣдняго, проживающая въ домѣ пресвитеріанской миссіи, оказалась очень предупредительной: открыла зданіе и отрядила проводника, который давалъ подробныя объясненія, хотя надобности въ немъ у насъ не было, такъ какъ Владыкѣ сопутствовалъ С. І. Костромитиновъ. Музей былъ по-

У музея въ Ситкѣ.

лонъ самыхъ интересныхъ предметовъ, и осмотръ ихъ занялъ нѣсколько часовъ кряду. Можно было не выходя изъ этого небольшого каменнаго зала познакомиться съ бытомъ и съ исторіей мѣстнаго края, колошинской, алеутской, эскимосской, съ періодомъ русскаго здѣсь владычества, и т. д. Можно было разглядѣть лучшіе экземпляры индіанскихъ племенныхъ столбовъ, байдарокъ, камлеекъ, и пр. Можно было прослѣдить послѣдовательно, что такое въ жизни туземца представляетъ китъ: изъ кита для него и пища, и топливо, и свѣтъ, и одежда, и оружіе, и посуда, и пр. и пр. Недаромъ, когда кита гдѣ убьютъ,

все селеніе ликуетъ и на цѣлый годъ веѣмъ добромъ обеспечено! Но только запахъ остается десятками лѣтъ при этихъ вещахъ, — специфическій непріятный запахъ. Попытка сдѣлать снимокъ съ внутренняго помѣщенія музея къ сожалѣнію мнѣ не удалась, и то, что получилось на негативѣ, врядъ ли дало бы точное представленіе о схваченныхъ камерой предметахъ. Музей — небольшое въ одинъ этажъ зданіе, облицованное цементомъ, уже сильно обвѣтрившимся. У наружнаго входа, подлѣ лѣстницы, лежатъ жерла пушекъ русскаго издѣлія, на которыхъ легко прочтаты названія заводовъ ихъ изготовлявшихъ... Есть надписи и на другихъ предметахъ, но даже съ помощью нашего любезнѣйшаго С. І. Костромитинова мы не все разобратъ могли...

Indian River.

Послѣ музейной не совсемъ ароматной старинки захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, полюбоваться живою природою. Чрезъ нѣсколько шаговъ влѣво шла улица съ постройками для индіанъ, а тянувшаяся вдоль берега дорога вводила путника въ аллею удивительной красоты. Сюда Владыка и пошелъ со своими спутниками. Въ Ситкѣ нѣтъ мѣста живописнѣе, уютнѣе, спокойнѣе! Постепенно затишь вдали прибой прилива, за листвою уже море исчезло, и вдругъ у ногъ заструилась чистый, прозрачный потокъ, Индіанская Рѣка, до того кристальная, что видно дно, словно оно на поверхности воды, а не на сажени въ глубь ушло... Прихотливо бѣжитъ она, извиваясь и по временамъ разбѣгаясь въ отдѣльные ручьи, которые снова бросаются стремительно другъ на друга, переплетаются и съ весельемъ несутся все дальше и дальше, перепрыгивая чрезъ исполинскія деревья, безстрашно бросаясь водопадами въ бездну, и внося жизнь въ это очарованное волшебное царство... Сентиментальность, быть можетъ, свойство мужчинѣ неподобающее, но попробуйте не поддаваться этой элени-

ческой обстановкѣ, не почувствовать себя плѣнникомъ этой волшебной природы, этихъ передаваемыхъ красотъ!.. Сергѣй Ивановичъ какъ разъ разсказывалъ про повѣрие,

Въ Ситкинскомъ паркѣ.

будто каждый напившійся этой воды непременно побываетъ еще разъ въ Ситкѣ, въ этихъ прекрасныхъ мѣстахъ, когда я стремительно зачерпывалъ всей пригоршней свѣжую, чистую воду и пилъ ее безъ конца... Роцца — это правительствомъ учреждаемый и неприкосновенный отнынѣ общественный Ситкинский паркъ. Дѣвственная его прелесть не нарушается ни частыми открытыми полянками, на которыхъ возвышаются племенные

Знаменитый Ситкинский мостъ.

столбы индіанскіе, съ ихъ уродливыми эмблемами и чудовищными изображеніями, на мостомъ современнаго сооруженія, о которомъ съ такой гордостью повѣствовалъ нашъ спутникъ мѣстный старожилъ Сергѣй Ивановичъ... Право, думается, Бруклинскій мостъ не воз-

буждалъ никогда ни въ чьей душѣ такого восторга и такихъ чувствъ, какъ этотъ Ситкинский мостъ въ думѣ его... Какъ же было мнѣ не увѣковѣчить это гигантское насажденіе культуры?.. Рѣкой лились рѣчи Сергѣя Ивановича о томъ, далеко-далекомъ прошломъ, что видали во дни оны эти поверженные теперь по берегамъ потока и поперекъ его стволы деревьевъ, полтора человѣческихъ роста въ діаметрѣ, что подслушивала эта рѣка и о чемъ журчала она спѣша къ глубокому морю... Тысячи разъ побывать онъ здѣсь, пробираясь къ могилѣ русскихъ убитыхъ изъ за угла въ давнюю пору индіанами моряковъ, мечтая о минувшихъ судьбахъ этого края и вспоминая и свои дѣтскіе годы... Это была чудная прогулка! Долго мы ходили по этой роцѣ, много разъ Владыка со своимъ спутникомъ присаживался на скамейкахъ, въ тѣни

Въ Ситкинскомъ паркѣ у 60 футоваго Totem Pole.

деревьевъ или у воды, наконецъ, знакомыми С. І. Костромитинову путями вышли мы изъ парка съ другой стороны и снова возвратились мимо индіанскихъ построекъ, мимо мастерской, гдѣ индіане выдѣлываютъ отличныя байдарки и вообще столярничаютъ, на главную дорогу, къ морю... Последній привалъ. Огромная скала, морскими брызгами изрытая, вѣтрами истертая, солнцемъ обожженная... Съ нея видъ на море усѣянное сотнями зеленыхъ островковъ. И историч. воспоминанія снова зарѣяли вокругъ... Здѣсь ча-

сами просиживалъ знаменитый покоритель Аляски Барановъ въ тѣ дни, когда думы особенно одолевали его или горе тяготило душу. Въ старости, это было любимое его мѣсто. Много разъ просился онъ на покой, послѣ долгихъ лѣтъ энергичной службы на Аляскѣ. Но когда наконецъ эта просьба была уважена, и на мѣсто его назначенъ былъ въ 1817 году новый губернаторъ, Барановъ не находилъ себѣ мѣста отъ острой тоски и боли. Часами, устремивъ взоръ свой впередъ просиживалъ онъ неподвижно на своемъ любимомъ камнѣ, и никто не смѣлъ потревожить его думы... Чайки тысячами носились въ воздухѣ, море брызгами своими обдавало его лицо, — но онъ оставался недвижимымъ... 30 лѣтъ отдалъ онъ своему любимому дѣлу. Онъ побѣдилъ дикарей, онъ создалъ мѣстный флотъ, онъ укрѣпилъ Ситку... Ситка его — одного его — твореніе! Здѣсь его гений, его сердце, его вся жизнь... Оставить ее — прекратить бѣненіе сердца. Разорвать связи съ ней — разбить самое жизнь...

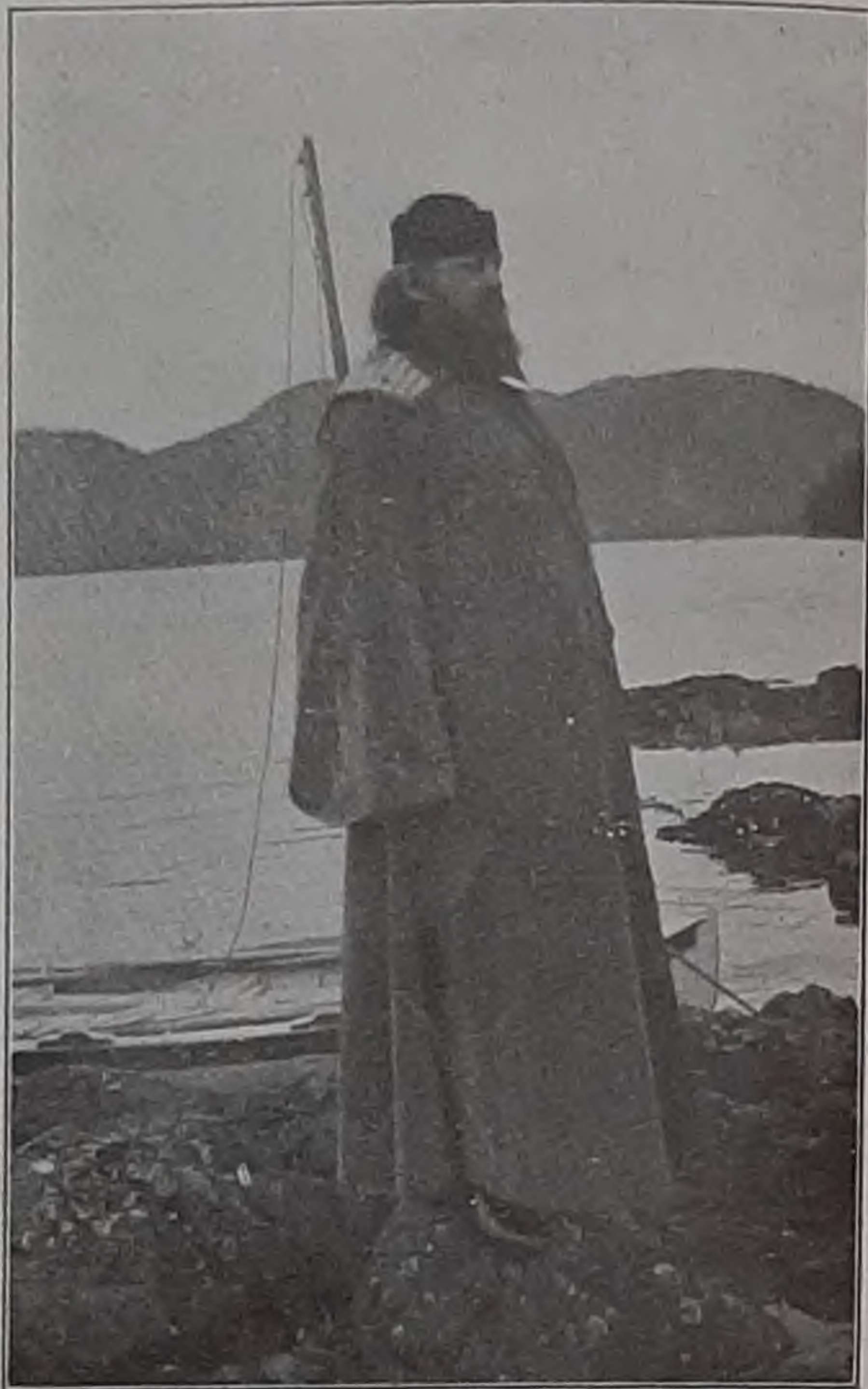
А кто, восклицаетъ чувствительная Элла Гиджинсонъ, изъ какого бы матеріала сдѣланъ ни былъ, проживъ двадцать лѣтъ въ Ситкѣ, при оставленіи ея не почувствуетъ, какими прочными оковами своей неопикуемой прелести обвила она сердце, разбить которыя, значило бы разбить и самое сердце!..

Какъ ребенокъ послѣ плакать Барановъ, стоя на палубѣ «Кутузова» и видя, какъ его дѣтище Ситка все исчезаетъ вдаль, улывается все дальше и дальше изъ глазъ. Не было цѣли впереди... Не сходя съ корабля Барановъ скончался, какъ Берингъ, вдаль отъ друзей, отъ родныхъ. 16 апрѣля 1819 года воды Индійскаго океана приняли его брѣнное тѣло...

Въ Старой Ситкѣ.

На завтра цѣль нашихъ воспоминаній пополнился еще болѣе. Высокопреосвященный Владыка посѣтилъ Старую Ситку и молился тамъ на могилѣ русскихъ людей, коварно убитыхъ въ 1802 году. О. А. Кашева-

ровъ какъ разъ справилъ на приютскую лодку новый парусъ и горѣлъ желаніемъ его обновить. Еще съ парусомъ эта лодка не ходи-

Въ Старой Ситкѣ у лодки.

ла. Утро выдалось хоть куда. О. Андрей съ восхищеніемъ знатока разглядывалъ небо, нащупывалъ вѣтеръ, и когда Владыка благословилъ сняться съ якоря, наши приютскіе мальцы дружными взмахами шести весель помчали лодку отъ берега, и скоро мы потерялись въ лабиринтѣ маленькихъ проливовъ и островковъ... Подняли, наконецъ и парусъ, и лодка вольной птицей полетѣла по водамъ... Благодать! Весла убраны. Чуть чуть накренившись бѣжитъ суденышко наше по глубокому морю... То замретъ, то засвѣжетъ вѣтерокъ, — куда намъ спѣшить?.. Какое приволье!.. Какой просторъ!.. Вотъ на-вострившійся глазъ нашихъ юношей примѣ-

тить на берегу двухъ ямановъ. Моментально причалили къ берегу и высадили Баранова съ ружьемъ: удастся, бочку съ мясомъ пасолять для пріюта. По берегу онъ пасъ послѣ догонитъ, а мы—дальше въ дорогу. Стали пѣть пріотчане церковныя пѣснопѣнія, — мелодія наши, а языкъ мѣстный, туземный, — всю службу перенѣли, и еще бы слушать! Но вдали уже завидѣлась лайда, а за нею пригорокъ, и на пригоркѣ деревянный крестъ... Это Старая Ситка! Это Архангельскъ! Опустѣло мѣсто это, жилия вокругъ не видно, сто лѣтъ съ лишнимъ минуло, какъ драма здѣсь великая разыгралась, и коварство

Владыка Архіепископъ совершаетъ литію у креста въ Старой Ситкѣ.

землю кровью обагрило, отъ береговъ этихъ русскій людъ отогнало. И крестъ-то любовью да усердіемъ русскаго человѣка, Сергѣя Іоновича, сооруженъ, а то и вовсе память о цвинно погибшихъ здѣсь померкла бы!

Тяжело было однако пробраться къ кресту. Весь пригорокъ густымъ, кустарникомъ поросъ наглухо. Пришлось часть вырубать,

У креста въ Старой Ситкѣ.

часть разгинать па стороны, и у самого подножія креста паскоро очистить площадочку, чтобы Владыкѣ мѣсто совершить литію было. Спорилось все въ рукахъ нашихъ юношей. Въ минуту разведенъ былъ костеръ, заправлено свѣжимъ углемъ кадило и Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь, надѣвъ епитрахиль, началъ трогательное панихидное пѣніе. Радостно стало за души почившихъ здѣсь православныхъ людей... Вѣчную память прошѣли уже, а Владыка все еще не

отходили отъ креста... Много говорила эта простая надпись на крестѣ: «въ память русскихъ убитыхъ Юля 27, 1802 года; сю разсказывалась одна изъ трагичнѣйшихъ страницъ русской исторіи этой части Аляски.

Кровавая драма.

Здѣсь 25 Мая 1799 года, Барановъ заложилъ торговый постъ. Не симпатичны были мѣстные дикари. По описанію капитана Кливленда, стоявшаго тогда въ этихъ водахъ съ американскимъ кораблемъ «Каролина», явились они воплощеніемъ чуть не самого сатаны. «Болѣе ужаснаго сборища существъ въ образѣ человѣческомъ я никогда не встрѣчалъ. Фантастическій способъ разрисовки ихъ лицъ какъ будто умышленно направленъ былъ на то, чтобы сдѣлать ихъ физиономіи устрашающими. Нѣкоторыя группы ихъ выглядѣли такъ какъ будто они только вырвались изъ владѣній діавола. У одного перпендикулярной линіей лицо раздѣлено было на двѣ половины, и одна изъ нихъ была выкрашена въ черную, а другая въ красную краску, волосы покрыты жиромъ и охрой, другой горизонтально раскрасилъ лицо пополамъ въ бѣлую и черную краску. Третьяго лишь разрисованъ въ шапки, и т. д. Большинство изъ нихъ уже пользовались зеркальцами, а предъ тѣмъ, вѣроятно, одинъ другому долженъ былъ помогать въ такой разрисовкѣ, требовавшей ежедневно больше времени, чѣмъ туалетъ парижской красавицы»...

Однако, Барановъ не смутился такими ужасами и повѣривъ миролюбивымъ заявленіямъ индійцевъ, сталъ строить зданія и нашелъ возможнымъ допустить даже колоннскихъ женщинъ жить въ укрѣпленіяхъ съ русскими, а самъ вскорѣ отбылъ на Авогнакъ, подѣ Кадьяка. И вотъ тутъ-то предательская натура туземцевъ и толкнула ихъ на коварную рѣзню. Выбравъ праздничный день, когда русскіе далеки были отъ мысли о какой либо измѣнѣ, они, выведавъ отъ своихъ женщинъ о расположеніи русскихъ помѣщеній и о распорядкѣ дня, накинута на

фортъ и хищнически разгромили его... Уже послѣ передачи Аляски Россіей Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, въ конторѣ Русско-Американской Компаніи найдено было описаніе Амвросія Плотникова, одного изъ очевидцевъ этого разгрома.

«Въ 1802 году, 27 Юля, около часу пополудни отправился я къ ручью поглядѣть за скотомъ, по наряду начальника Медвѣдникова. Возвратясь, я замѣтилъ нѣсколько Тлихитцевъ (племя индіанъ), собравшихся подлѣ дома, гдѣ жили рабочіе. Вождь ихъ Михаилъ что то возбужденно и громко имъ говорить, но не зная языка ихъ, я не могъ понять о чемъ шла рѣчь. Вскорѣ послѣ того — свыше 60 лодочекъ стали подходить къ берегу, и я немедленно бросился къ дому. Къ своему удивленію, я нашелъ все двери закрытыми извнутри, и скорѣе побѣжалъ въ коюшню, гдѣ имѣлъ обыкновеніе всегда хранить ружье. Здѣсь оказалась жена одного изъ рабочихъ съ ребенкомъ, которая по моему совету побѣжала въ лѣсъ. По уходѣ ея я забаррикадировалъ двери и окна. Вскорѣ послѣ того, четыре индійца подошли къ двери и потребовали, чтобы я ихъ впустить, и затѣмъ силой ворвавшись набросились на меня, и я еле успѣлъ высвободиться и безъ ружья и куртки спасся въ лѣсу. Спустя немного, желая узнать чѣмъ кончилось дѣло, я возвратился къ порту и нашелъ все зданія въ огнѣ за заключеніемъ склада, которымъ завладѣли туземцы, и изъ котораго они выбрасывали мѣха, провизію и т. д. чрезъ окна, нагружая ими душегубки, которыя для этого подведены были къ берегу. Я видѣлъ какъ одинъ изъ нашихъ людей выпрыгнулъ изъ окна горящаго зданія только для того, чтобы упасть на ноги дикарей и быть брошеннымъ обратно въ огонь. У другаго они отрубили голову и обезглавленный трупъ бросили тоже въ огонь. Вдругъ я замѣтилъ двухъ индійцевъ бѣгущихъ ко мнѣ, и спрятался за большое дерево, подъ прикрытіемъ котораго снова убѣжалъ въ лѣсъ. Вечеромъ снова возвратился я поглядѣть на печальное зрѣлище. Зданія все еще

горѣли, а неподалеку стояли нѣсколько головъ скота со стрѣлами вонзенными въ ихъ спины и бока. Я попытался было вынуть эти стрѣлы, но быть замѣченъ туземцами и вынужденъ былъ опять спастись въ свое прежнее убѣжище. На утро я услышалъ ружейную пальбу и испугавшись побѣжалъ въ горы, гдѣ нашелъ жемчужину съ ребенкомъ, которая бѣжала тогда изъ сарая, и еще одного больного человека. Все мы пробыли въ горахъ нѣсколько дней, возвращаясь ежедневно вечеромъ на пещище оплакивать убитыхъ. Такъ прошло восемь дней. На восьмой день, около полудня я услышалъ пушечный выстрѣлъ и, убѣдивъ моихъ спутниковъ сидѣть спокойно, самъ побѣжалъ узнать въ чемъ дѣло. Какъ только я вышелъ изъ лѣсу, и увидѣлъ судно, которое сперва принялъ за нашу «Екатерину», по которому оказалось англійскимъ кораблемъ. Когда оно приблизилось на разстояніе человѣческаго голоса, я пытался кричать, но меня не слышали на кораблѣ, а замѣтили два дикаря и заставили бѣжать въ лѣсъ и оставаться тамъ до сумерекъ, когда я снова пробрался къ берегу до рогой, которая привела ближе къ судну. На этотъ разъ я оказался счастливѣе: меня услышали, послали за мной лодку и взяли на палубу корабля. Я извѣстилъ капитана о томъ, что произошло на берегу, затѣмъ сошелъ опять на берегъ за своими компаньонами, къ которымъ присоединился еще одинъ. Батурипъ, и вмѣстѣ съ ними вернулся на корабль. Мы попросили затѣмъ капитана послать лодку къ форту, и просьба была уважена: капитанъ самъ вмѣстѣ съ вооруженной командой спустился на берегъ и мы нашли вскорѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ собратьевъ мертвыми, съ отрубленными головами. Мы ихъ похоронили. Среди развалинъ валялись только куски мѣди и ничего больше. Тря дня оставалось судно въ пристани, и на третій день къ нему подошла лодка съ индѣйскимъ вождемъ Михаиломъ. Онъ спросилъ прежде всего, есть ли русскіе на борту, что убѣдило капитана, что наше спасеніе не было замѣ-

чено дикарями, и онъ отвѣтилъ отрицательно, а насъ пригласилъ спуститься внизъ и оставаться тамъ. Самого же Михаила съ его племянникомъ и спутницей ласковыми словами уговорилъ подняться на палубу. Въ женщинѣ я сейчасъ же узналъ прислугу одного изъ нашихъ людей, и пришелъ къ заключенію, что она вѣроятно и была шпиономъ. Принявъ ихъ на палубу, капитанъ распорядился заковать ихъ въ двойные кандалы, послѣ чего сообщилъ имъ о моемъ присутствіи здѣсь и сказалъ имъ, что они не будутъ освобождены до тѣхъ поръ, пока не возвратятъ всѣхъ похищенныхъ матеріаловъ и вещей, и пока не доставятъ на корабль всѣхъ бѣжавшихъ людей, которые не были убиты, а были взяты ими въ рабство. За неисполненіе приказанія, капитанъ грозилъ повѣсить Михаила. Пока эти переговоры шли, подошли къ намъ еще два англійскія судна и капитаны ихъ все сошлись на нашемъ кораблѣ и стали совѣщаться, послѣ чего распоряженіе было подтверждено еще разъ, и дикари, испугавшись за жизнь своего предводителя, поспѣшили привезти двухъ женщинъ и четырехъ дѣтей, увѣряя, что это все ихъ плѣнники. Отовсюду стали выплывать лодки дикарей, а привезенныя женщины увѣряли, что еще много бѣлыхъ задержано индѣйцами, и такъ какъ дикаря отказались привезти кого бы то ни было, капитаны распорядились стрѣлять по лодкамъ. Много было убито, и нанутанные индѣйцы запросили пощаты и привезли остальныхъ женщинъ и дѣтей. Не было только еще плѣнника Тараданова, но в его вѣкорѣ нуждаются были они доставить на корабль, вмѣстѣ съ запасами мѣховъ, послѣ чего Михайла и его спутники были освобождены, хотя мы и умоляли капитана взять ихъ въ Кадьякъ, куда мы поплыли...

Вотъ повѣствованіе очевидца, хотя я переданное нами не полными словами, такъ какъ русскаго текста подъ ружьями не имѣется. Какъ ни грозенъ былъ гнѣвъ Баранова, когда дошли до него вѣсти объ этой рѣзні, но только въ Сентябрѣ могъ онъ возвратиться

къ берегу нынѣшней Ситки. Дикари не обмывались относительно ожидающей ихъ платы за низкое коварство и успѣли создать сильныя фортификаціи на мѣстѣ, гдѣ позднѣе стоялъ Барановскій дворецъ. Выстрѣлы съ кораблей Баранова, къ сожалѣнію, не достигали укрѣпленій, и онѣ высадили команду съ нѣсколькими орудіями на берегъ, намѣреваясь взять крѣпость приступомъ. Но атака была отбита, и всѣхъ бы перерѣзали дикари, если бы не удалось подъ прикрытіемъ судовыхъ пушекъ отплыть назадъ на корабль. На слѣдующій день удалось подвести судна ближе и поднять такую канонаду, что дикари скоро запросили пощады и обѣщали заложниковъ въ обезпеченіе своего мирнаго на будущее время отношенія. Переговоры тяну-

ло только незначительной частью всего разграбленнаго...

Ужасная драма завершилась трагическимъ финаломъ. На другой послѣ отступленія индѣйцевъ, послана была на берегъ лодка съ шестью матросами и мичманомъ за прѣсной водой, и тутъ на нихъ неожиданно напали дикари и перерѣзали ихъ ранѣ, чѣмъ могла быть оказана съ кораблей помощь. Ихъ то могила и находится въ Ситкинскомъ паркѣ, который мы посѣщали вчера...

Домой.

Огонекъ весело потрескивалъ, вода вскипѣла, и мы расположились бивуакомъ завтракать. Подошелъ Барановъ, но безъ ямановъ: тѣ успѣли сберечь жизнь свой за-

Въ Старой Ситкѣ.

лись два дня, а на третье утро сказалось, что всѣ дикари исчезли, перерѣзавъ своихъ дѣтей, чтобы тѣ крикомъ своимъ не выдали ихъ отступленія. 14 домовъ помѣщались за стѣнами укрѣпленія, и укрывали они не меньше чѣмъ 800 дикарей! Въ этихъ же домахъ найдено было Барановымъ много матеріаловъ, разхищенныхъ дикарями при рѣзніи въ Старой Ситкѣ. Оказалось, что возвращенное имъ капитану англійскаго корабля добро бы-

чуявъ охотника. Но мы не жалѣли, — съ нами было вдоволь припасовъ. Предусмотрительная матушка о. Андрея въ кулечекъ положила всего, чего только хотѣлось, и мы съ удовольствіемъ приналегли на пирожки и консервы, запивая чайкомъ. Вкусно!.. Пока благодушествовали, на небѣ нависали тучи, море покрылось рябью, загулялъ вѣтеръ, и нашему неопытному глазу казалось, что вотъ-вотъ разразится гроза... Но о. Андрей,

что пазывается, и въ усь не дуль: посмѣивался и увѣрялъ, что это сейчасъ пройдетъ, и

Прощальное .Со Святими упокой- въ Старой Ситкѣ.

чрезъ полчаса опять будетъ погода самая пріятная... Такъ и сталося. Послѣ трапезы, Вы-

Изъ Старой Ситки домой сокопреосвященнѣйшій Владыка всталъ, обратился лицомъ къ кресту, и всѣ мы, вмѣстѣ съ Архишастыремъ, еще разъ прощали

«Со святими упокой»... Закачалась наша лодочка снова по волнамъ. Отдохнувшіе гребцы храбро вылезли на весла, думая, что всю дорогу придется идти противъ вѣтра, и работы будетъ достаточно... Но только что выжили, раздалась команда о. Андрея: «парусь!» и къ нашему удивленію, и, вѣроятно, къ поторгу гребцовъ, лодка наша подъ парусомъ понеслась обратно домой еще скорѣе, чѣмъ плыла сюда... «Вотъ, Ваше Высокопреосвященство, заговорилъ радостно о. Кашеваровъ, впервые въ моей практикѣ такой случай, что въ одинъ день вѣтеръ въ оба направленія лодку гонитъ... Несомнѣнно, Ваше благословеніе! И парусь-то сегодня вѣдь только обновляемъ!».. Шли мы не зигзагами, а прямокомъ. По пути осмотрѣли могилы шамановъ, набрали круглыхъ камешковъ на память... Скоро показалась Ситка, скоро показался крестъ на нашемъ Соборѣ, и полные впечатлѣній, и грустныхъ и пріятныхъ, мы вернулись подъ кровлю Архіерейскаго дома, гдѣ въ печахъ весело сверкалъ огонекъ, согревавшая просторныя комнаты и радушно привѣтствуя озябшихъ гостей..

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Х.

«0»

PRO DOMO SUA.

Скуповаты іерей наши на сотрудничество въ «Амер. Правосл. Вѣстникѣ». Даже не скуповаты, а пѣмы! Посмотрите къ оглавленію за годъ—десятка именъ не наберется! Это на сотни-то приходовъ!.. Отчего это?

Спросите одного, — отвѣтитъ:

— «Все равно не помѣстите»..

Во первыхъ, почему «все равно», а во вторыхъ, развѣ вы пробовали посылать?

Оказывается, не пробовалъ.

Обратишься къ другому:

— Куда мнѣ!.. Еще въ «Свѣтъ» допись-другую напишешь, а въ «Вѣстникѣ» пусть «академики» стараются»..

Бѣдные «академики»!

Что это: смиреніе обезволило собратьевъ, или отъ чернилъ и пера подалше — поудобнѣе?

А придетъ тощешаіи выпускъ «Вѣстника», критику такую иной смиренникъ наведетъ, что редактору заочно безъ конца-икается и правое ухо горитъ...

Одинъ изъ собратьевъ, старый служака, такъ нашимъ епархіальнымъ органомъ интересоваден, что полгода его не получая, не нашелъ нужнымъ затруднить себя письмомъ и редакцію запросомъ — почему не посылается ему «Вѣстникъ». Только когда узналъ, что про него что то собираются тамъ неплохое писать, и сообщалъ, что не получаетъ. И при этомъ пояснилъ: «я вѣдь думалъ, что журналъ прекратился»...

Не правда ли, какъ спокойно и комфортабельно такъ думать!

Есть, впрочемъ, и нервные подписчики. Не получаютъ журнала и негодуютъ, негодуютъ безъ конца... А что бы взять постъ-карту и написать въ экзекцию: въ чемъ дѣло? Откуда же тутъ звать, всѣмъ ли аккуратно доставляется «Вѣстникъ»?..

Пощедѣте, братья! Общее вѣдь это дѣло, — къ сердцу ближе его принимайте!

Писать не о чемъ, — скажетъ иной...

Да развѣ все вокругъ васъ сонъ и сонъ? Развѣ душа ваша не болитъ? Развѣ опытъ вашъ никому не нуженъ, не дорогъ?..

Миссія ширится и ширится, растетъ и растетъ. Сколько приходоветъ новыхъ! Сколько новыхъ проявленій нашей русской здѣсь жизни! Сколько новыхъ людей!..

Здѣсь ли не найдете предмета для десяти сердечныхъ строкъ? Не найдете побужденія подѣлиться съ всею остальной миссіонерской семьей своими думами, чувствами, пожеланіями?

Ужели не гнетъ васъ войти органически еще ближе въ эту семью, связать себя еще тѣснѣе съ общими цѣлями, интересами?

Что тамъ далеко на западѣ у васъ, отцы? Откликнитесь! Порадуйте вѣсточкой! Работаете? Народъ прибываетъ? Гдѣ селитесь, какъ къ церкви относитесь? Фармы далекия въ Колорадо и дальше, что замолкли вы? Канада, Детройтъ, Оклахома и т. д. Провозвѣдуете, вѣдь вы, расширяетесь, миссіонерствуете, — напишите же хоть строчку объ этомъ, — пусть другіе въ примѣръ возьмутъ... А годъ божіи у васъ — какое вѣдь событіе совершилось, — освященіе новой церкви въ Филадельфій! Что же, и его промолчите, удовлетворившись тѣмъ, что «Свѣтъ» два-три слова уже написалъ?..

Ахъ, зачѣмъ и перечислять? Все вѣдь охо-

ты, вѣтъ вѣры въ себя; все на другихъ надѣсься, что напишутъ-де...

Пишу это, а сосѣдь подсмѣивается: «Не пагужьтесь-де. Добрая половина прочитатъ не догадается»... Огорченный редакторъ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Резолюціей отъ 8 Іюля за № 540, Благочинный Нью-Йоркского округа священникъ Теофанъ Букетовъ назначенъ настоятелемъ Салемской церкви, а на его мѣсто переведенъ священникъ г. Майфильда, благочинный Михаилъ Скибинскій.

Резолюціей № 555 отъ 8 Іюля священникъ Зутлеровской церкви Никита Борисовъ назначенъ настоятелемъ церкви въ Пуэбло, Колорадо, на мѣсто уволеннаго по прошенію отъ службы въ Епархіи и отбывшаго въ Россію священника Александра Кальнева.

Резолюціей отъ 14 Іюля за № 564 воспитанники Миннеаполисской семинаріи назначены: Іоаннъ Адамякъ — священникомъ Мак-Адуской церкви на мѣсто отбывшаго въ Россію по болѣзни о. Іосифа Жолткевича; Андрей Русиникъ — въ Канаду; Іосифъ Дзвончакъ — въ Бруксайдъ, на мѣсто священника Андрея Солянки, назначеннаго въ Мэйсонтаунъ, Па.

Резолюціей № 618 отъ 29 Іюля священникъ Василиій Василеевъ переведенъ въ Майфильдъ и назначенъ благочиннымъ мѣстнаго округа; священникъ Михаилъ Ильинскій назначенъ на его мѣсто, а на мѣсто священника Михаила Ильинскаго назначенъ іеромонахъ Павелъ Чубаровъ.

Резолюціей отъ 29 Іюля священникъ Буффальской церкви Василиій Поповъ по прошенію уволенъ отъ службы въ Епархіи.

Резолюціей отъ 2 сего Августа священникъ Сергій Базилевичъ назначенъ временнымъ замѣстителемъ къ Филадельфійской Михаило-Архангельской церкви впредь до возвращенія священника Іоанна Крохмальнаго.

Резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 9 Августа за № 679, священникъ Буффальской церкви Василиій Полсовъ награжденъ скуфьей.

Священнику Пассайской церкви Іліи Клоповскому данъ Его Высокопреосвященствомъ отпускъ на десять недѣль отъ 25 Августа. Замѣстителемъ на время его отсутствія назначается священникъ Гарфильдской церкви Михаилъ Червинскій.

Редакторъ,

Капедраальный Прот. А. Хотовицкій.